

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

Научная статья

УДК 343.2:343.847

doi: 10.33463/2687-122X.2023.18(1-4).1.024-034

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Надежда Александровна Крайнова¹

¹ Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, Россия, nakraynva@sevsu.ru

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые вопросы реализации уголовной политики в сфере ресоциализации осужденных в Российской Федерации. На основе анализа статистической информации, содержания нормативно-правовых актов, различных точек зрения, представленных в уголовно-правовых и криминологических доктринальных источниках, автор формулирует свое видение в рассматриваемой сфере, предлагает определение ресоциализации осужденных. В процесс ресоциализации предлагается включить не только осужденных, но и лиц, потерпевших от преступлений и нуждающихся в помощи и поддержке. В статье также исследуется позитивный зарубежный опыт, формулируются предложения по его внедрению в российскую законотворческую и правоприменительную практику. Обращается внимание на то, что зарубежный опыт следует использовать критически, ориентируясь прежде всего на национальные исторические особенности.

Ключевые слова: ресоциализация, пробация, уголовная политика, противодействие преступности, осужденные, потерпевшие

Для цитирования

Крайнова Н. А. Некоторые аспекты реализации уголовной политики в сфере ресоциализации в Российской Федерации // Уголовно-исполнительное право. 2023. Т. 18(1–4), № 1. С. 24–34. DOI: 10.33463/2687-122X.2023.18(1-4).1.024-034.

PENAL POLICY

Original article

SOME ASPECTS OF THE IMPLEMENTATION OF CRIMINAL POLICY IN THE FIELD OF RE-SOCIALIZATION IN THE RUSSIAN FEDERATION

Nadezhda Aleksandrovna Krajnova¹

¹ Sevastopol State University, Sevastopol, Russia, nakraynva@sevsu.ru

Abstract. The article discusses some issues of the implementation of criminal policy in the field of resocialization of convicts in the Russian Federation. Based on the analysis of statistical information, the content of normative legal acts, various points of view presented in criminal law and criminological doctrinal sources, the author formulates his vision in the field under consideration, offers a definition of the resocialization of convicts. It is proposed to include not only convicts in the sphere of re-socialization processes, but also persons who have suffered from crimes and need help and support. The article also examines the positive foreign experience, formulates proposals for its implementation in Russian legislative and law enforcement practice. Attention is drawn to the fact that foreign experience should be used critically, focusing primarily on national historical features.

Keywords: resocialization, probation, criminal policy, crime prevention, convicts, victims

For citation

Krajnova, N. A. 2023, 'Some aspects of the implementation of criminal policy in the field of re-socialization in the Russian Federation', *Penal law*, vol. 18(1–4), iss. 1, pp. 24–34, doi: 10.33463/2687-122X.2023.18(1-4).1.024-034.

Постановка вопроса об уголовной политике в сфере ресоциализации осужденных в настоящее время представляется весьма актуальной и имеющей немаловажное значение в выстраивании системы противодействия преступности, в первую очередь рецидивной преступности. По данным официальной статистики ФГБУ ГИАЦ МВД России, опубликованной на официальном сайте МВД России (рис. 1), количество преступлений, совершенных лицами, ранее совершавшими преступления, неуклонно растет. Несмотря на наметившуюся за последние пять лет тенденцию к снижению количества совершаемых в РФ преступлений, кривая рецидивов такую тенденцию не поддерживает и является фактически прямой линией.

Анализ статистических данных, фиксирующих число лиц, совершивших преступления, сквозь призму социально-криминологической характеристики также свидетельствует о негативной тенденции увеличения числа преступников, ранее совершавших преступления, то есть криминологических рецидивистов. Не только статистические показатели, но и жизненные реалии свидетельствуют о том, что рецидивная преступность достигает критического уровня. Это подтверждает недостаточность (или нежизнеспособность) существующих механизмов, направленных на предупреждение рецидивной преступности, противодействие ей.

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

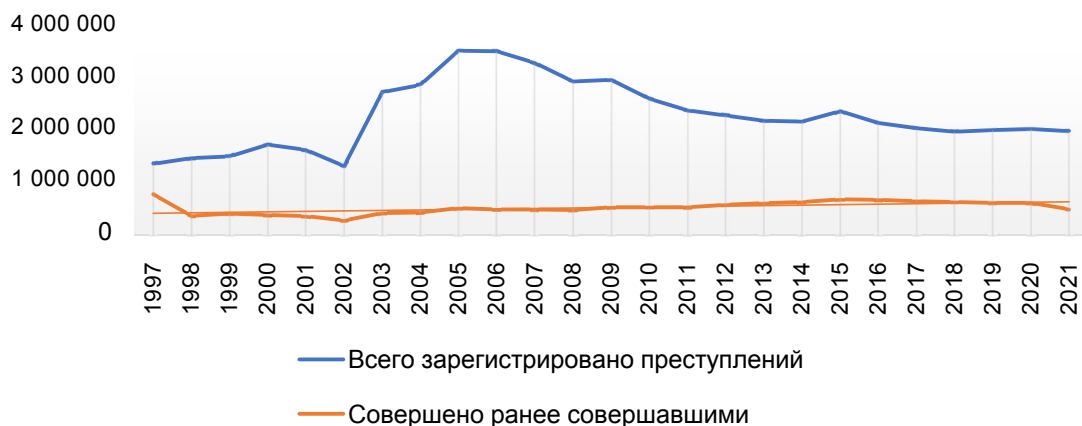

Рис. 1. Динамика преступности в соотношении с рецидивной преступностью, абсолютные данные

Источник: <https://мвд.рф/Deljatelnost/statistics> (дата обращения: 24.10.2021)

В настоящее время аксиомой является тот факт, что первопричина высокого уровня рецидивной преступности лежит в тех недостатках или даже проблемах, которые связаны с отбыванием наказания и возвращением бывшего осужденного в социальную среду, с его ресоциализацией. Об этом написано немало научных и практических работ, но в подавляющем большинстве случаев все сводится к точечным решениям, однако концептуально вопрос не ставится, и в этом, как представляется, кроется основная причина неудач.

Успешность решения проблемы, продвижения идеи на уровне общества и государства зависит от наличия политической воли. Полагаем, что постановка вопроса именно в политическом контексте позволит сформировать комплексное видение проблемы и определить пути ее решения. В связи с этим оправданным является рассмотрение вопросов, связанных с ресоциализацией, именно в уголовно-политическом аспекте. Но прежде необходимо определиться с понятиями.

Термин «ресоциализация» прочно вошел в правовой оборот: упоминается он и в нормативно-правовых, и в судебных актах. Так, в Федеральном законе от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» (далее – ФЗ № 182) приведено определение ресоциализации как формы профилактического воздействия. В п. 3 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» отмечается, что «правосудие в отношении несовершеннолетних правонарушителей должно быть направлено на то, чтобы применяемые к ним меры воздействия обеспечивали... их ресоциализацию, а также защиту законных интересов потерпевших».

«Ресоциализация» – понятие социологическое и с позиций данной науки достаточно хорошо изученное. Исследованием проблем ресоциализации занимались М. С. Рыбак, Ю. В. Баранов, Ю. В. Жулева, С. М. Рахимова, Т. В. Темаев, Е. Г. Багреева, К. С. Тума-

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

ров, Н. С. Фомин и другие специалисты. По поисковому запросу «ресоциализация» в Электронной библиотеке диссертаций Российской государственной библиотеки можно найти 30–40 научных исследований, две трети которых составляют исследования в области социологических наук.

Ресоциализация с точки зрения семантического толкования является антагонистом социализации. Как отмечается в социологических исследованиях, ресоциализация (от лат. *re* – приставка, указывающая на повторное, возобновляемое действие, и *socialis* – общественный; англ. *resocialization*; нем. *Resozialisierung*) – вторичная социализация, происходящая на протяжении всей жизни индивида в связи с изменениями его установок, целей, норм и ценностей жизни; процесс приспособления девиантного индивида к жизни без острых конфликтов... С позиции теории идентичности ресоциализация предполагает обретение новой социальной идентичности или закрепление достигнутой ранее в новых социальных условиях реконструированной реальности» [1]. Такой подход, как представляется, является уместным, и следует, не «изобретая велосипед», придерживаться этого в свете правового регулирования отношений. Однако в настоящий момент мы не можем сказать, что такой подход реализован в полной мере.

История становления, «легализации» ресоциализации в российском правовом пространстве насчитывает всего около 30 лет. Ни в законодательстве, ни в правовой доктрине нет единства понимания содержания этого понятия, места ресоциализации в системе правовых институтов, ее социальной значимости. Кроме того, в условиях российской ментальности существует достаточно большое количество противников идеи правового регулирования ресоциализации осужденных как института, абсолютно чуждого российскому обществу, лиц, исповедующих в отношении ресоциализации принцип нигилизма, основанный на убеждении в необходимости заботы со стороны государства в отношении всех без каких-либо исключений лиц. Как представляется, такая ситуация обусловлена непониманием сущности ресоциализации, ее социального предназначения и той роли, которую она выполняет. Безусловно, сам термин «ресоциализация» заслуживает нормативного закрепления. При этом не следует относиться к его применению с осторожностью, бояться, видя в нем какую-то либеральность.

Итак, законодательное определение ресоциализации есть и звучит следующим образом: «Ресоциализация представляет собой комплекс мер социально-экономического, педагогического, правового характера, осуществляемых субъектами профилактики правонарушений в соответствии с их компетенцией и лицами, участвующими в профилактике правонарушений, в целях реинтеграции в общество лиц, отбывших уголовное наказание в виде лишения свободы и (или) подвергшихся иным мерам уголовно-правового характера» (ст. 25 ФЗ № 182). Аналогичным образом понимается ресоциализация и в Федеральном законе «О пробации в Российской Федерации» [2, с. 179]. Полагаем, что в данном определении законодатель смешал понятия ресоциализации и социальной адаптации, подменив, по сути, одно другим, и даже сам факт отнесения ресоциализации к формам профилактического воздействия вызывает, как минимум, удивление.

Имеющееся в ст. 25 ФЗ № 182 понятие ресоциализации как формы профилактического воздействия не соответствует сущности данного правового явления, имеет ограниченную сферу применения, распространяется только на лиц, отбывших уголовное наказание в виде лишения свободы и (или) подвергшихся иным мерам уголовно-правового характера. Мы последовательно отстаиваем позицию о дуализме сущности ресоциализации, которую, следует рассматривать, с одной стороны, как процесс, протяженный во време-

ни, с другой – как цель (функция) наказания, то состояние, которое желательно достичь в результате исполнения наказания, иных мер воздействия. В связи с этим представляется верной позиция Д. А. Шестакова, полагающего, что в уголовном законе нужно иметь не цели (функции) наказания, а функции уголовной ответственности [3, с. 139].

Ресоциализация осужденных – процесс сложный, многогранный, разноплановый. В ходе ресоциализации осужденный (бывший осужденный) под воздействием комплекса мер (или средств) ресоциализации достигает состояния приспособления к жизни в социуме, что в конечном итоге и составляет суть ресоциализации. Определяя ресоциализацию как состояние, полагаем возможным распространить действие данного понятия не только на осужденных, но и на потерпевших от преступления, а также пострадавших от применения мер безопасности лиц. Этот пласт проблем пока недостаточно изучен. В научной литературе и практическом применении термин «ресоциализация» априори употребляется в отношении осужденных, отбывших уголовное наказание. Но ресоциализация имеет более широкое применение, может и должна рассматриваться применительно к потерпевшим, права и интересы которых затрагиваются в результате совершения преступления.

Если рассматривать преступление как некий десоциализирующий фактор, юридический факт, в результате которого сложившиеся позитивные правоотношения искажаются, возникают негативные отношения, то нельзя, как представляется, рассматривать этот процесс односторонне, применительно лишь к одной стороне данных отношений и утверждать, что ресоциализация требуется только виновному лицу. В ресоциализации нуждаются и потерпевшие, и в некоторых случаях не меньше, чем сами виновные в совершении преступления лица. Иногда это очевидно, как, например, в случаях совершения преступления против личности, особенно в семейно-бытовых конфликтах, где жертве приходится порой учиться жить заново, или в случаях совершения преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности личности. Но и в других ситуациях, таких как преступления против собственности, коррупционных и иных должностных преступлениях, мы понимаем, что во многом противопреступная стратегия должна строиться с учетом положений виктимологии.

Что касается вопроса о ресоциализации пострадавших от применения мер безопасности лиц, то, как представляется, это вопрос будущего, и уже не столь отдаленного. Справедливо отмечают ученые, что «уголовное право очеловечивается, но вытесняется мерами безопасности. Правила безопасности, пренебрегающие принципом вины, теснят классическое уголовное право» [4]. Безусловно, праву безопасности есть место в системе противодействия преступности, но мы должны видеть и чрезвычайную опасность бесконтрольного применения таких мер, должны ощущать всю тонкость этой категории, предвидеть все возможные риски.

Таким образом, полагаем оправданным и целесообразным широкий подход к понятию ресоциализации. Он позволяет выделять по субъектам ресоциализацию осужденных и ресоциализацию потерпевших, пострадавших. В качестве рабочего определения можно предложить следующее: ресоциализация – это процесс восстановления индивида в качестве социализированного члена общества, осуществляемый на основе применения к лицу, совершившему преступление и осужденному за него, и (или) потерпевшему от преступления мер безопасности, комплекса правовых, организационных, психолого-педагогических, воспитательных и иных мер воздействия с целью недопущения совершения противоправных деяний и (или) восстановления социально-положительного статуса.

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

Ресоциализацию осужденных следует рассматривать не только сквозь призму гуманизации уголовного, уголовно-исполнительного законодательства и правоприменительной практики, но и с позиций обеспечения безопасности общества. Показатель рецидивных преступлений на уровне 50 %¹ является достаточно ярким свидетельством тому, что только меры уголовной репрессии не работают. Следовательно, нам необходимо кардинально менять ситуацию, ведь при росте данного показателя ресоциализация будет нужна уже не только осужденным и потерпевшим от преступления лицам, но и всем законопослушным гражданам.

Происходящие в мире события (пандемия; локальные и выходящие за пределы локальных вооруженные конфликты, носящие управляемый характер; экспоненциальное развитие цифровых технологий, угрожающее национальной безопасности и неотъемлемым правам человека) подтверждают значимость рассмотрения феномена ресоциализации с позиции безопасности общества. Проанализируем данный вопрос на примере угрозы распространения COVID-19 в учреждениях ФСИН России. Если верить официальным данным, принятые государством меры безопасности в отношении осужденных позволили не допустить масштабного распространения коронавируса в исправительных учреждениях. Как отмечает главный внештатный инфекционист ФСИН России И. Каминский, «за весь период пандемии нами было выявлено и лабораторно подтверждено 1465 случаев заболевания новой коронавирусной инфекцией среди подозреваемых, обвиняемых и осужденных. При этом выздоровело 1369 чел. Таким образом, заболевших у нас сейчас 96. Все они получают необходимое лечение в амбулаторных и стационарных условиях, в том числе в государственных учреждениях здравоохранения. В настоящее время на стационарном лечении в медико-санитарных частях с COVID-19 находятся 10 пациентов. В целом, конечно, отмечается планомерное снижение выявления случаев COVID-19. Динамика прироста новых случаев заболевания среди сотрудников УИС в сентябре 2020 г. по сравнению с предыдущим месяцем снизилась на 5,3 %, среди осужденных и лиц, заключенных под стражу, – на 10,2 %»². В России понимают серьезность угрозы, которая может реализоваться в случае возникновения ситуации бесконтрольности, паники в исправительных учреждениях и СИЗО, поэтому ее не допускают, как и применение амнистии. В то же время безосновательное освобождение осужденных (под прикрытием заботы об их здоровье), которое мы наблюдаем в некоторых западных странах, в конечном итоге ставит под угрозу здоровье самих осужденных и всего общества.

В качестве другого примера, демонстрирующего особую значимость решения проблем ресоциализации осужденных с позиции безопасности общества (в данном случае имеется в виду пенитенциарная ресоциализация), можно привести значительное увеличение числа преступлений, совершаемых с использованием средств мобильной связи, мошенничеств, совершаемых лицами, уже отбывающими наказание в виде лишения свободы, что также причиняет значительный ущерб государству и гражданам, требует дополнительного контроля.

---

¹ В 2021 г. каждое второе расследованное преступление совершено лицами, ранее совершавшими преступления. См.: Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь–декабрь 2021 года. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/19412450/> (дата обращения: 27.10.2022).

² URL: <https://rg.ru/2020/10/01/boleee-13-tysiachi-rossijskih-zakliuchennyh-vylechilis-ot-covid-19.html> (дата обращения: 27.10.2022).

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

Приводя данные примеры, мы говорим о том, насколько проблемы ресоциализации осужденных могут влиять на все общество, затрагивать каждого человека и касаться не только государственной, общественной, корпоративной, но и личной безопасности. Полагаем, что речь идет о такой категории, как национальная безопасность. Это общие проблемы, и решать их нужно комплексно. Совершивший преступление человек продолжает жить в обществе: либо без перерыва, если наказание не связано с лишением свободы или это иная мера уголовно-правового характера, либо с перерывом на отбывание наказания. В любом случае совершение преступления десоциализирует, но в ситуации реального отбывания наказания положение еще более усугубляется.

По данным ФСИН России, по состоянию на 1 ноября 2020 г. в учреждениях уголовно-исполнительной системы содержалось 489 118 чел., по сравнению с 1 января 2020 г. это количество сократилось на 34 585 чел.¹ По состоянию на 1 октября 2022 г. в учреждениях уголовно-исполнительной системы содержалось 453 188 чел. (–12 708 чел. к 1 января 2022 г.)². Налицо очевидная тенденция сокращения численности осужденных, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы. Эти данные подтверждаются и иными источниками информации. Так, по сведениям Росстата, с 2000 г. в России наметилась тенденция уменьшения количества лиц, содержащихся в местах лишения свободы³.

Сокращение количества осужденных к наказанию в виде лишения свободы свидетельствует о начале происходящего в нашем общественном сознании сдвига в сторону понимания важности гуманизации наказания. В то же время сопоставление данных о динамике количества учреждений ФСИН России с динамикой уровня преступности свидетельствует об отсутствии положительной связи между этими показателями (рис. 2).

Полагаем, что в данный исторический момент российское общество не готово полностью отказаться от наказания, состоящего в изоляции виновных в совершении преступлений лиц. Однако сокращение количества таких осужденных, приведение условий содержания в учреждениях, обеспечивающих изоляцию, к общепринятым нормам (не минимальным требованиям, а именно общепринятым нормам) следует признать необходимым условием эффективности пенитенциарной системы.

Безусловно, в последнее время предпринято много шагов, направленных на улучшение качества работы по социальной адаптации осужденных. В соответствии с приказом Минюста России от 30 декабря 2005 г. № 262 «Об утверждении Положения о группе социальной защиты осужденных исправительного учреждения уголовно-исполнительной системы» в штат учреждений уголовно-исполнительной системы введены должности специалистов по социальной работе и по бытовому и трудовому устройству осужденных. В исправительных учреждениях создаются центры социально-психологической реабилитации осужденных, работает служба психологов, осуществляется медицинская, профессиональная подготовка, применяются воспитательные, педагогические методики воздействия [5, с. 10].

Однако необходимо полное переосмысление подходов к пенитенциарной системе. Совершенно справедливым в связи с этим полагаем утверждение Х. Д. Аликперова о

---

¹ См.: Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы. URL: <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/> (дата обращения: 04.12.2020).

² См.: Там же (дата обращения: 30.10.2022).

³ См.: Преступность по данным Росстата. URL: <https://rosinfostat.ru/prestupnost/#i-7> (дата обращения: 30.10.2022).

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

Рис. 2. Сравнение количества следственных изоляторов и тюрем в России с уровнем преступности в расчете на 100 тыс. чел.

Источник: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2020/08/13/836640-chislo-zaklyuchennih> (дата обращения: 05.10.2022).

том, что, «прежде чем говорить о ресоциализации осужденных, необходимо предварительно «ресоциализировать», оздоровить саму пенитенциарную систему. Лишь после этого станет возможным заложить в колониях основы для нравственного перелома у осужденных. Нам нужны коренные реформы, которые позволят трансформировать исправительные колонии в пенитенциарные чистилища, где закладываются основы для ресоциализации лица после отбытия наказания». Идея реформирования пенитенциарной системы с точки зрения отношения к исправительному учреждению, в котором основными средствами воздействия будут труд и приобщение к литературному творчеству, представляется весьма плодотворной и, безусловно, заслуживающей внимания.

Ресоциализация, как и социализация, является процессом индивидуальным. Безусловно, мы понимаем, что тут надо исходить из особенностей личности осужденного. Так, в своей работе профессор Н. А. Колоколов приводит пример осужденного Коркодела, являвшегося особо опасным рецидивистом, прекрасно адаптировавшегося в условиях жизни в исправительном учреждении, но совершенно не понимавшего, как жить на свободе, вновь совершавшего преступления и возвращавшегося в места лишения свободы. Приводит автор в качестве примера также и неисправимого убийцу, и серийного маньяка [6].

Уместным представляется изучение и в дальнейшем использование зарубежного опыта применения технологий обращения с осужденными, но без бездумного копирования, а с учетом российской специфики. Например, в большинстве стран Евросоюза, «которые придерживаются рекомендации Комитета министров Res(2006) 2 государ-

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

ствам – членам Совета Европы о Европейских пенитенциарных правилах, меры ресоциализирующего воздействия (исправление) являются правом осужденного, а не обязанностью, исправительные программы применяются индивидуально и их содержание является нормативным» [7, с. 29]. Полагаем, что применение исправительных программ в пенитенциарных учреждениях должно быть индивидуальным.

В Канаде вопросами ресоциализации осужденных занимается Исправительная служба. Обладая всесторонней информацией об осужденном, которую она получает «от полиции, суда, членов семьи правонарушителя, его работодателей, психологов и иногда даже жертвы преступления», служба разрабатывает индивидуальный план по исправлению преступника, включающий в себя разного рода ресоциализирующие мероприятия [8, с. 42]. Опыт индивидуальных программ работы с осужденным, которые реализуются еще на стадии отбывания наказания с учетом особенностей адаптации осужденных к условиям тюремного заключения, используется и в Китае [9]. Различного рода программы, направленные на ресоциализацию преступников и предупреждение преступлений с их стороны, активно применяются в США, например, программа The Minnesota's Challenge Incarceration Program (CIP) («Вызов лишению свободы»), реализуемая в отношении осужденных за ненасильственные преступления и преступления против собственности. Такого рода программы предусматривают активное участие негосударственных организаций и частных лиц в форме добровольческой деятельности. Опыт добровольчества в некоторых странах признается весьма успешным. Так, специалисты отмечают, что «за последние 13 лет Япония переживает бум добровольческой деятельности, направленной на предупреждение преступности; около 3 000 000 японских граждан приняли участие в волонтерской деятельности с этой целью» [10]. В Великобритании в качестве ресоциализирующего средства активно применяют трудовую занятость осужденных еще на стадии отбывания наказания. Заключение в тюрьму Англии и Уэльса могут начать работать, находясь в тюремном учреждении, используя возможности «освобождения на один день» по договоренности с работодателями, продолжив работу и после освобождения от наказания [10].

Анализируя зарубежный опыт обращения с осужденными, П. В. Тепляшин приходит к выводу о том, что «в первой половине 1990-х годов в европейской практике произошел окончательный поворот к конструктивному внедрению в правоприменительную сферу трех пенилогических стратегий: карательной (стратегии А), управленческой (стратегии В) и стратегии исправления при помощи восстановительного правосудия (стратегии С), что обусловлено процессами конвергенции правовых систем. Именно феномен правовой конвергенции «подстегнул» очередной виток сближения «классической» и «социологической» школ уголовного права, возрастание роли концепции контроля в практике исполнения уголовных наказаний» [11, с. 33].

Уголовную политику в сфере ресоциализации необходимо рассматривать в контексте противодействия преступности, при этом в основу концепции такой политики нужно положить нерепрессивную парадигму. Уголовное наказание, как и меры безопасности, может применяться самостоятельно и не сопровождаться ресоциализирующим воздействием, но в этом случае можно говорить о многократном снижении эффективности данных мер.

Современные общество и государство в вопросах противодействия преступности не должны ограничиваться мерами уголовно-правового характера и мерами безопасности. Необходимо выстроить четкую систему, включающую в себя комплекс традиционных уголовно-правовых институтов (уголовное наказание и др.), а также разработать

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

и закрепить нормы, регулирующие применение мер безопасности, предупреждение преступлений и ресоциализацию. Нормы, регламентирующие правоотношения в сфере противодействия преступности, следует аккумулировать в рамках кодифицированного нормативно-правового акта. Таковым может быть Кодекс предупреждения преступлений и ресоциализации [12]. Известно, что одним из признаков права является его формальная определенность. Форма права имеет не менее важное значение, чем его содержание. Регулирование правовых отношений в сфере противодействия преступности посредством кодифицированного нормативно-правового акта будет положительно воздействовать на правоприменение, а также правосознание самого широкого круга лиц.

Список источников

1. Перинская Н. А. Ресоциализация // Энциклопедия гуманитарных наук. 2005. № 4. С. 161–162.
2. Скиба А. П., Малолеткина Н. С. Законопроект «О пробации в Российской Федерации»: некоторые аспекты обсуждения в 2021–2022 годах // Уголовно-исполнительное право. 2022. Т. 17(1–4), № 2. С. 176–194.
3. Шестаков Д. А. От понятия преступности к криминологии закона // Общественные науки и современность. 2008. № 6. С. 131–142.
4. Гуринская А. Л. Англо-американская модель предупреждения преступности: критический анализ. СПб. : Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена, 2018. 298 с.
5. Москалькова Т. Н. Проблемы ресоциализации осужденных и лиц, освободившихся из мест лишения свободы // Бюллетень Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации. 2020. № 8. С. 4–13.
6. Колоколов Н. А. Ресоциализация бывших заключенных: от утопии к утопии // Адвокатская практика. 2019. № 3. С. 10–17.
7. Сиряков А. Н. Испанское законодательство об исправлении осужденных // Российский юридический журнал. 2020. № 4. С. 28–35.
8. Режапова И. М., Заборовская Ю. М. Зарубежный опыт работы с заключенными с целью их дальнейшей ресоциализации (на примере законодательства Соединенных Штатов Америки и Канады) // Человек: преступление и наказание. 2019. Т. 27(1–4), № 1. С. 40–46.
9. Zhao, Y., Messner, S. F. & Liu, J. 2020, 'The influence of importation and deprivation factors on prison adaptation: Insights from Chinese prisons', *International Journal of Law, Crime and Justice*, iss. 63, December, doi: 10.1016/j.ijlcrj.2020.100425.
10. Herber, E. 2018, 'Crime prevention in Japan orchestration, representation and impact of a volunteering boom', *International Journal of Law, Crime and Justice*, iss. 54, pp. 102–110.
11. Тепляшин П. В. Неолиберальное развитие пенитенциарных систем. М., 2020. 144 с.
12. Правотворческие и правоприменительные парадигмы реконструкции уголовного законодательства: национальный и международный опыт моделирования : монография / отв. ред. А. Е. Мизанбаев. Костанай, 2012.

References

1. Perinskaya, N. A. 2005, 'Resocialization', *Encyclopedia of Humanities*, iss. 4, pp. 161–162.
2. Skiba, A. P. & Maloletkina, N. S. 2022, 'Draft Law "On Probation in the Russian Federation": Some Aspects of discussion in 2021-2022', *Penal law*, vol. 17(1-4), iss. 2, pp. 176–194.
3. Shestakov, D. A. 2008, 'From the concept of crime to the criminology of law', *Social Sciences and Modernity*, iss. 6, pp. 131–142.

4. Gurinskaya, A. L. 2018, *Anglo-American model of crime prevention: a critical analysis*, A. I. Herzen Russian State Pedagogical University, St. Petersburg.
5. Moskalkova, T. N. 2020, 'Problems of resocialization of convicts and persons released from prison', *Bulletin of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation*, iss. 8, pp. 4–13.
6. Kolokolov, N. A. 2019, 'Resocialization of former prisoners: from utopia to utopia', *Law Practice*, iss. 3, pp. 10–17.
7. Siryakov, A. N. 2020, 'Spanish legislation on the correction of convicts', *Russian Law Journal*, iss. 4, pp. 28–35.
8. Rezhapova, I. M. & Zaborovskaya, Yu. M. 2019, 'Foreign experience of working with prisoners for the purpose of their further re-socialization (on the example of the legislation of the United States of America and Canada)', *Man: crime and punishment*, vol. 27(1–4), iss. 1, pp. 40–46.
9. Zhao, Y., Messner, S. F. & Liu, J. 2020, 'The influence of importation and deprivation factors on prison adaptation: Insights from Chinese prisons', *International Journal of Law, Crime and Justice*, iss. 63, December, doi: 10.1016/j.ijlcrj.2020.100425.
10. Herber, E. 2018, 'Crime prevention in Japan orchestration, representation and impact of a volunteering boom', *International Journal of Law, Crime and Justice*, iss. 54, pp. 102–110.
11. Teplyashin, P. V. 2020, *Neoliberal Development penitentiary systems*, Moscow.
12. Mizanbayev, A. E. (ed.) 2012, *Law-making and law enforcement paradigms of reconstruction of criminal legislation: national and international modeling experience: monograph*, Kostanay.

Информация об авторе

Н. А. Крайнова – кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой уголовного права и процесса.

Information about the author

N. A. Krajnova – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law and Procedure.

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Статья поступила в редакцию 16.01.2023; одобрена после рецензирования 14.03.2023; принята к публикации 21.03.2023.

The article was submitted 16.01.2023; approved after reviewing 14.03.2023; accepted for publication 21.03.2023.